

2. Зелински Е. *Политическая трансформация Центральной и Восточной Европы*. В кн.: Transformacija Rytų ir Vidurio Europoje: lūkesčiai ir tikrovė. Mokslinės konferencijos medžiaga. Klaipėdos universitetas 1996 balandžio 19-20 d. Klaipėda, 1996, c. 18-22.
3. Энтин М. Разделение властей: опыт современных государств. Москва: Юридическая литература, 1995.
4. Jarašiūnas E. *Konstitucinė valdžios institucijų sistema*. Kn.: Lietuvos konstitucinė teisė. Vilnius: Lietuvos teisės universiteto Leidybos centras, 2001, p. 674-698.
5. Monkevičius K. *Valstybinės valdžios padalijimo principas 1992 m. Lietuvos Respublikos Konstitucijoje*. Kn.: Verslas, vadyba ir studijos '98. IV Respublikinės konferencijos, įvykusios Vilniuje 1998 m. lapkričio 11-13 d., medžiaga, II tomas. Vilnius: Technika, 1999, p. 74-76.
6. Pugačiauskas V. Pusiau prezidentinio modelio įtaka demokratijos stabilumui: Lietuvos ir Lenkijos lyginamoji analizė. Politologija, 1999, Nr. 3(19), p. 50-84.
7. Šabajevaitė L. Lietuvos socialinė transformacija 1990-1997 metai. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1998.
8. Saulauskas M. P. Postkomunistinės revoliucijos želmenys: iš revoliucinio tarpsnio į postmodernistinę Lietuvą? [http:// www.unfovi.vu.lt/mpz/zelmanys.htm](http://www.unfovi.vu.lt/mpz/zelmanys.htm)
9. Talat-Kelpša. Pusiau prezidentizmo link: Lietuvos institucinės reformos analizė. Politologija, 1996, Nr.1(17), p. 93-111.
10. Vaitkienė E. *Teismas*. Kn.: Lietuvos konstitucinė teisė. Vilnius: Lietuvos teisės universiteto Leidybos centras, 2001, p. 769-794.

РЫНОЧНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ОПЫТ НЭПА

Н.Б.Нестерович

Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь

Сегодня, когда переходный период в экономическом развитии Беларуси, начавшийся в 90-е годы минувшего столетия, продолжается и проблема реформирования, системной трансформации экономики остается нерешенной, все более насущным становится выяснение действенных путей выхода из такой ситуации. В этой связи довольно полезным представляется обращение не только к мировому, но и к отечественному опыту системно-трансформационных преобразований в экономике, как современному, так и прошлому. Благо, последний имел место во времена новой экономической политики, которая проводилась в СССР и советской Беларуси в 1920-е годы.

Прежде всего, это определяется в целом одинаковой направленностью существенных изменений в экономической сфере жизни белорусского общества, происшедших в годы нэпа и в конце XX - начале XXI века: переходом от командно-плановой к свободной рыночной экономике. Фактически одинакова в обоих случаях и основная причина этих изменений – сама система господствующих экономических отношений, суть которой – неэффективное по своей природе административно-командное руководство экономикой. Поэтому схожими оказались и начальные условия переходного, трансформационного развития – глубокий экономический кризис, охвативший Беларусь и в начале 20-х годов, и в начале 90-х годов.

С другой стороны, схожая направленность развития экономики не привела к схожим практическим результатам. Если в результате экономических преобразований в годы нэпа белорусская экономика была относительно быстро (в течение 1921-1925

г.) восстановлена и добилась значительных успехов в продвижении к рынку (в 1925/26 хозяйственном году доля частного сектора в общем объеме продукции преобладающей тогда в БССР мелкой промышленности составляла 43,1 %) [7, с. 103-104], то реформирование экономики Республики Беларусь до сих пор не привело к кардинальному перелому ситуации в ней: Уровень докризисного 1990 г. превзойден лишь недавно, да и то не по всем позициям, удельный вес частного сектора далеко не достиг необходимого для формирования рыночной модели экономики уровня и составляет всего 25 % [2, № 9, с. 11; 4, с. 62]. Такая противоположность еще больше повышает интерес к отечественному опыту переходного периода 20-х годов.

Было бы явной натяжкой видеть в этом предшествующем советском опыте некие однозначные указания по сегодняшнему реформированию экономики. Такой подход был бы слишком прямолинейным и упрощенным. Для сложных современных преобразований в сфере экономики в прошлом нет полностью соответствующих аналогов, ибо различны социально-экономические условия, политическая ориентация, национально-культурные предпосылки. Так, быстрому переходу в начале 20-х годов к широкому использованию товарно-денежных отношений; к рынку в значительной мере способствовало то, что накануне Октябрьской революции эти формы существовали в Беларуси. Иная ситуация была в конце 80-х годов, когда у нас свободный рынок и рыночные отношения отсутствовали. Но нельзя и полностью отвлечься от собственной истории, накопленного опыта. Обращение к предшествующему отечественному опыту, как положительному, так и отрицательному, помогает разобраться во внутренних причинах действия того экономического механизма, от которого сегодня Беларуси приходится отказываться, но который еще обладает большой силой энергии. А это в свою очередь необходимо для того, чтобы не повторять ошибки прошлого, ясно видеть способы и перспективы дальнейшего развития.

Обращение к опыту нэпа наиболее полезно: хотя целью новой экономической политики было создание социалистической модели экономики, мероприятия, которые осуществлялись в рамках этой политики, носили по существу характер радикального реформирования хозяйственного механизма.

Опыт нэпа, его в целом положительные практические результаты показывают, что на современном этапе реформирования экономики Беларуси применимы многие "нэповские" принципы, формы и методы хозяйствования. Прежде всего, это – широкое использование товарно-денежных отношений, рыночных механизмов. В 20-е годы "признание" рынка было достаточно последовательным. Административно-приказная конфискация продукции крестьянского труда в форме "военно-коммунистической" продразверстки была заменена меньшим по размеру продналогом, после выплаты которого крестьянин получил право использовать оставшуюся продукцию по своему усмотрению, в том числе и в целях прямого обмена на промышленные изделия и покупку необходимых товаров. Размер продналога, сначала составлявший около 20 % от чистого продукта крестьянского труда, уже с 1 января 1924 г. был снижен до вполне приемлемого для крестьянского хозяйства уровня – 5 % дохода с одного двора и в среднем был в два раза меньше размера продразверстки [9, с. 199]. Продналог позволил государству концентрировать в своих руках определенную часть продовольствия, а остальную часть получать за счет прямого обмена промышленных товаров на продукцию крестьян. Одновременно он способствовал развитию инициативы крестьянства, создавая у него материальную заинтересованность в результатах своего труда. Поэтому идея оптимального налога не утратила своей актуальности и сегодня при переходе к экономическим, рыночным методам ведения хозяйства и разным формам деятельности, особенно учитывая чрезвычайно высокий уровень налоговой

нагрузки на субъекты хозяйствования в Беларуси. На протяжении последних пяти лет этот уровень составляет 45-46 % к внутреннему валовому продукту (ВВП) [2, № 5, с. 12]. Для сравнения: в России в 2004 г. совокупная налоговая нагрузка составляла 34% ВВП [2, № 2, с. 24].

Частный сектор при нэпе пользовался немалой поддержкой государства. Например, частные торговцы получали государственное товарное кредитование, банковский кредит, так называемый внутрифинансовый и внутритоварный кредит. Эти виды кредита были льготными. Проценты по ссудам, которые получали частники через общества взаимного кредита, составляли 48 % годовых, а учетный процент на вольном рынке достигал 5-6 % в месяц, т.е. до 70 % годовых [5, с. 188]. Поддержка частной торговли способствовала быстрому развитию торговой сети, формированию свободного внутреннего рынка. Уже в 1921/22 хозяйственном году численность частных торговых предприятий достигла 18,3 тыс., в то время как государство имело на территории республики всего 213, а кооперация – 847 торговых предприятий. В 1922/23 хозяйственном году удельный вес частника в товарообороте составлял 78,2% (в границах 6 уездов БССР) [5, с. 185-186; 7, с. 127]. Сегодня такая последовательная поддержка государством частного бизнеса, особенно в непроизводственной сфере народного хозяйства явно не наблюдается и ее осуществление, несомненно, ускорило бы процесс рыночного реформирования белорусской экономики. По Индексу гостеприимства по отношению к капиталу, впервые опубликованному в феврале 2006 г. авторитетным в деловых кругах журналом *Forbes* для всех 135 стран мира, Беларусь оказалась лишь на 131-м месте. Хуже, чем у нас, согласно этим данным, к частному бизнесу относятся только в Гаити, Лаосе, Анголе и Зимбабве [1, № 8, с. 20].

Последовательный переход Беларуси к рыночным отношениям в годы нэпа выразился и в том, что в основном отсутствовало административное регулирование цен. Государство стремилось устанавливать оптовые и розничные цены в большинстве случаев, учитывая рыночную конъюнктуру. Такая практика была бы довольно полезна в современных условиях Беларуси, когда государство все еще считает за лучшее регулировать цены в административном порядке, регулярно осуществляет директивно-командный "возврат цен", устанавливая "справедливые" цены. Оно, как и ранее, сохраняет административное регулирование цен по основным позициям (топливо, связь, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и др.), на товары и услуги субъектов хозяйствования, занимающих доминирующее положение на товарных рынках республики [2, № 8, с. 16; 4, с. 60; 8, № 2, с. 4].

Таким образом, достаточно последовательное "признание" рынка в годы нэпа свидетельствует, что фактически дело шло к переходу от административно-командной ("военно-коммунистической" – по терминологии того времени) системы к качественно новой модели хозяйствования, основанной на преимущественном использовании экономических, рыночных методов хозяйствования, а не на совершенствовании хозяйственного механизма вообще. Подобная однозначная, последовательная направленность движения к рынку сегодня довольно необходима Беларуси, где процесс рыночного реформирования экономики идет недостаточно уверенно, то ускоряясь, то значительно уходя назад.

Вполне применим на современном этапе перехода Беларуси к рыночной экономике такой "нэповский" метод хозяйствования, как перевод государственных промышленных предприятий (трестов) с государственного снабжения на коммерческий расчет, т.е. на хозяйствование в соответствии с рыночными условиями. "Мы, - писал В.И. Ленин, - не долж-

ны чуждаться коммерческого расчета, а должны понять, что... только на этой почве коммерческого расчета можно строить хозяйство" [3, с. 219-220].

Созданные на всей территории Беларуси на протяжении 1921-1924 гг. подобные тресты были поставлены в довольно жесткие условия: входившие в них предприятия снимались с государственного снабжения и переходили на закупку ресурсов на рынке, государство за долги трестов не отвечало и детаций на покрытие убытков они почти не получали. Высший Совет Народного Хозяйства мог сделать представление в Совет Труда и Оборону о целесообразности покрытия убытков треста за счет государственной казны только в случае "особого государственного значения работ треста". Убыточные тресты закрывались [5, с. 30-33; 6, статья 336; 9, с. 201-202]. Такая система взаимоотношений между государством и государственными предприятиями позволяла избегать ситуации, когда убыточные предприятия тяжелым грузом ложились на плечи государства, помогала выяснить, какие предприятия могут оставаться государственной собственностью, а какие имеет смысл передать в частные руки. Сегодня широкое применение подобной практики в Беларуси, где количество убыточных государственных предприятий, несмотря на его постепенное снижение, остается значительным (на 1 декабря 2005 г. их доля, согласно официальной статистике, составляла 15,7 %) [1, № 5, с. 29; 2, № 9, с. 11], существенно помогло бы в продвижении к рыночной экономике.

Результатом государственной поддержки в годы нэпа разных форм собственности и организации производства стало разрешение и значительное развитие аренды на государственных промышленных предприятиях, аренды земли с использованием наемного труда. В сфере оборота наряду с государственно-плановыми широкое распространение получили чисто рыночные организационные формы торговли, в частности, товарные биржи. К 1925/26 хозяйственному году биржи сосредоточили 59,3 % оптового оборота БССР [5, с. 60-65, 102-104, 195].

Усиление внимания к принципу многообразия форм собственности и организации производства и оборота помогло бы избавиться от характерного для теперешней экономической политики Беларуси неоправданного упора на государственные формы хозяйствования (частный сектор, как уже говорилось, охватывает сегодня только 25 % всей экономики, тогда как, например, в России – не менее 70, в Литве – 75, в Польше – 75, в Венгрии – 80 %) [2, № 9, с. 11; 4, с. 62]. Опыт нэпа как раз и показывает, что для успешного рыночного реформирования белорусской экономики необходимо больше развивать рыночные формы, найдя в итоге оптимальное их сочетание с государственными.

Но не менее важно учитывать и негативный опыт нэпа. Возьмем лишь один пример. Известно, что нынешняя внешнеэкономическая политика Беларуси ориентирована в основном на Россию, в то время как внешнеэкономические связи с более развитыми странами и прежде всего со странами развитой рыночной экономики довольно ограничены и все больше ухудшаются. Республика фактически лишилась крупных внешних инвестиций. Чистое поступление прямых иностранных инвестиций в 2005 г. составило только 33,9 % от уровня 2004 г. [8, № 19, с. 21]. В этой связи опыт нэпа, еще раз подтверждая мировой опыт, доказывает, что одной из общих, универсальных закономерностей перехода стран к рыночной экономике является открытость по отношению к внешнему миру. Экономика бывшего СССР и соответственно советской Беларуси реформировалась в годы нэпа в отсутствие нормальных связей с мировой экономикой. Сохранялась монополия внешней торговли, ставшая огромным препятствием для расширения внешнеэкономических связей, без которых снижалась эффективность реформирования экономики, а долговременный экономический подъем был невозможен.

Свертывание нэпа во второй половине 20-х годов являлось не актом субъективного самоволия, а закономерным следствием обострения его противоречий, было подготовлено взаимодействием экономических и политико-идеологических причин. К середине 20-х годов четко определилось основное противоречие нэпа: между многообразием экономических отношений, рыночными методами экономики и монополией одной партии. Исходя из политической цели создания социалистической модели экономики, нэп объективно не мог стать законченной системой. Рыночные методы хозяйствования почти повсеместно соседствовали с директивно-командными, переплетались с ними. Окончательное утверждение к концу 20-х годов авторитарно-тоталитарной политической системы неизбежно привело к перерастанию административного начала в традиционную политику и ликвидации хозяйственной системы нэпа.

Таким образом, опыт нэпа учит, что однозначное, полное утверждение рыночной экономики возможно только одновременно с решительной демократизацией политической системы общества. В определенной мере актуально это и для сегодняшней Беларуси, где все еще остаются проблемы с работой Советов депутатов, во взаимоотношениях государства с оппозицией, политическими партиями и общественными организациями, средствами массовой информации.

Таковы наиболее общие уроки переходного периода 20-х годов. Творческое применение их вместе с накопленным мировым опытом преобразований в странах переходного типа развития, безусловно, поможет решить не одну из проблем, стоящих сегодня перед экономикой Беларуси.

Литература

1. БелГазета. 2006. № 5 (6 февраля).
2. Белорусы и рынок. 2006. № 2 (16 января), № 5 (6 февраля), № 8 (27 февраля), № 9 (6 марта).
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44.
4. Несцярковіч М.Б. Рэфармаванне эканомікі Беларусі ў паслясавецкі час // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2005. № 1.
5. Развитие экономики Белоруссии в 1921-1927 гг. – Мн., 1973.
6. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1923. № 29.
7. Экономика Советской Белоруссии. 1917-1967. – Мн., 1967.
8. Экономическая газета. 2006. № 2 (6 января), № 19 (7 марта).
9. Экономическая история Беларуси. – Мн., 2004.

ПОЛЬШЧА ПАД УЛАДАЮ КАМУНІСТАЎ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ СУЧАСНАГА АСЭНСАВАННЯ

М. В. Стралец

Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь

Пасля таго, як у ліпені 1944 г. на тэрыторыю Польшчы ўвайшлі войскі Чырвонай Арміі, Масква вяла мэтанакіраваную лінію, накіраваную на дасягнення поўнай улады прасавецкіх сіл у гэтай краіне. Размова ішла перш за ўсё пра польскіх камуністаў (ППР).

“Яліцкія дамоўленасці азначалі, што Польшча становілася адным з ключавых звянаў савецкай сістэмы бяспекі ў Еўропе, да фарміравання якой Масква прыступіла на заключным этапе вайны. Гэта яе месца было замацавана польска-савецкай дамовай аб сяброўстве, узаемнай дапамозе і пасляваенным супрацоўніцтве, заключанай 21 красавіка 1945 г.